Церковь, государство и общество в странах восточного христианства [тематическая подборка] // Pro et Contra. 2013. №3–4 (59), №5 (60).

Журнал *Pro et Contra*, издаваемый Московским Центром Карнеги, осуществил в прошлом году интересный и амбициозный проект: в двух номерах была опубликована подборка статей в рамках главной темы «Церковь, государство и общество в странах восточного христианства». Отдельные обзорные статьи посвящены православию и православным церквам в России, Украине, Беларуси, Грузии, Молдове, Румынии, Болгарии, Сербии, Греции и Армении[1]. Кроме того, в подборку вошли две дополнительные статьи, с разных точек зрения описывающие православную церковь в России, а также статья более общего, методологического, характера, касающаяся вообще способов такого рода описаний[2].

Сразу отметим два момента. Во-первых, актуальность осуществленного журналом проекта. В условиях активизации религиозного фактора в современном мире, в том числе и в России, где доминирующей — как статистически, так и медийно — является РПЦ, освещение религиозной ситуации в разных национальных контекстах, но в рамках одной, православной, конфессиональ-

1. «Россия: официальная церковь выбирает власть» Светланы Солодовник, «Украинское православие и украинский проект» Виктора Еленского, «Белорусская православная церковь в тени государства» Натальи Василевич, «Грузинская церковь: воплощение национального единства или оппозиционная сила?» Сильвии Серрано, «Бог в „зонах пограничья“» Виталие Спрынчане, «Румыния: православная церковь после коммунизма» Кристиана Василе, «Болгария: невидимая церковь» Тони Николова, «Сербская церковь и национальная идея» Марии Фалиной, «Греческая церковь: в ожидании диалога с обществом» Алексея Богдановского, «Церковь — постсекулярная или постсакральная» Оганнеса Оганнисяна.
2. «Русская православная церковь как церковь большинства» Александра Верховского, «РПЦ: церковь как символ желаемой целостности» Бориса Дубина, «Церковь, этнонационализм и государство» Николая Митрохина.

ной семьи представляется весьма важным делом, ибо только широкий международный охват позволяет выйти из «провинциальной узости» и выявить как типически-общее, так и индивидуально-особенное. Во-вторых, в опубликованных статьях затрагивается множество аспектов общей темы и содержится богатый материал для размышления и анализа, что следует признать важным позитивным результатом, достигнутым редакцией журнала: возникает целый «каталог» частных тем, вопросов и оценок, а соответственно, и направлений необходимых исследований. Это хорошая заявка, которая должна стимулировать специалистов к системной работе в соответствующей области.

А теперь попытаемся сформулировать те реакции, которые возникают после прочтения вышеуказанных текстов — по отдельности и в целом.

Первая читательская реакция касается системности. С одной стороны, заметно, что все страноведческие статьи содержат ответы на набор заданных вопросов: количество православных и адептов иных конфессий, отношения церкви с государством, вопросы церковной собственности, присутствие православной церкви в образовательной системе, ее взаимоотношения с другими религиозными объединениями, церковь и политика, церковь и национализм/ксенофобия, медийные скандалы и прочее. Этот набор заданных аспектов, которые освещают все авторы, создает некую первичную системность в представлении материала и, соответственно, потенциальную компаративность, возможность панорамического взгляда на различные ситуации в общем тематическом пространстве. Это, безусловно, хорошо и полезно. Однако следующего шага не сделано: не представлено серьезного сравнительного анализа. А поэтому и системность получается, так сказать, половинчатой.

С чем это связано? Скорее всего, с тем, что предложенные нам тексты являются не столько научными, сколько публицистическими статьями. Их авторы — по большей части журналисты или специалисты «более широкого профиля», то есть не собственно религиоведы. А в том случае, когда автор — профильный специалист, задача, заданная ему редакцией, по необходимости ориентирует его на то, чтобы «ответить на вопросы», а не предложить свою — иную и, возможно, более сложную — интерпретацию темы.

В результате работа по выявлению как типического, так и особенного целиком оставлена читателю, хотя различия описываемых ситуаций порой столь разительны, что просто требуют специального анализа и каких-то выводов обобщающего характера (это касается и «церковного плюрализма», и присутствия церкви в образовательном пространстве, и характера ее политического участия, и некоторых других аспектов общей темы). Следствием этого является своеобразный эффект, производимый в сознании читателя страноведческими статьями: общий заданный ракурс создает впечатление почти единообразной картины, которая, однако, двоится, троится и т. д. в силу приведенных конкретных фактов, указывающих на национальную специфику.

В данном случае мы сталкиваемся с тем, что можно назвать «природным дефектом» медиа в их подходе к сложным социокультурным сюжетам (даже в том случае, когда журналисты привлекают специалистов). В отличие от научного подхода, который предполагает анализ реальной сложности изучаемого феномена с применением ясно артикулированной методологии (при допущении иных методологий), медийный подход реализует иную стратегию: задается упрощенная имплицитная схема, которая наполняется эмпирическим материалом, собранным журналистом или предоставленным приглашенным «ученым». Иными словами, медийный подход — по определению идеологичен, что в принципе «запрещено» научному подходу (хотя и он никогда не свободен от некоторой скрытой или остаточной идеологичности).

Скорее всего, редакция журнала *Pro et Contra* и не ставила перед собой научных задач, а лишь стремилась собрать и предоставить читателю первичный материал по актуальной теме, используя ресурсы разных авторов, в той или иной степени знакомых с соответствующей проблематикой. Поэтому она и ограничилась той половинчатой системностью, о которой была речь выше, и тем самым выполнила миссию медиа. И это в хорошем смысле провокация для религиоведческой науки, у которой, к сожалению, пока не дошли руки до системной работы в соответствующем направлении.

В то же время следует обратить внимание на то, что, оставаясь в рамках медийного подхода, редакция журнала обозначила и иное измерение рассматриваемой темы, свя-

занное именно с методологией ее рассмотрения. Тем самым редакция отчасти отказалась от аксиоматики изначально заданной схемы, поскольку дала место для критики и дискуссии. Мы имеем в виду прежде всего статью Н. Митрохина, который ставит под сомнение релевантность социологии массовых опросов для понимания реальных религиозно-общественных процессов и в этом смысле выступает в противовес Б. Дубину, транслирующему такие опросы без всякой их проблематизации. Митрохин обращает внимание на сложность такого феномена, как конкретное религиозное сообщество, который требует не только и не столько количественных, сколько качественных исследований. В статье Дубина, напротив, мы встречаемся с тем, что можно назвать «социологическим позитивизмом», то есть с наивной «естественной установкой» (вспомним Гуссерля), согласно которой стандартный социологический опрос дает нам знание о «мире, каков он есть». Такого рода наивность давно устарела, и поэтому методологическая критика Митрохина заслуживает самого серьезного внимания. Особенно если учитывать тот факт, что «цифры», постоянно предлагаемые социологическими службами, обладают некоей магической силой, под чары которой попадают и эксперты, и властные инстанции, и сами религиозные институции. Цифры в данном случае выступают как (научные) факты, но факты сами по себе не значат ничего, значение зависит от интерпретации, которая, в свою очередь, зависит от определенных теоретических моделей.

В то же время на страницах журнала этот, весьма важный, спор о релевантности социологических опросов не только не находит разрешения, но и не обсуждается. Не ставится сама проблема: какие способы изучения и описания рассматриваемых феноменов и процессов следует считать наиболее адекватными? Высказывания авторов повисают в воздухе. Представленный богатый материал никак не обобщен, а оценки остаются субъективным делом авторов.

Повторим: главный недостаток публицистических описаний и оценок современной религиозной динамики состоит в том, что они осуществляются в имплицитной понятийной рамке, заведомо предопределяющей и ракурсы рассмотрения, и следующие из него выводы и квалификации. Иначе говоря, сами используемые понятия, с помощью которых описываются фено-

мены, не проблематизируются. Но это значит, что и выбор фактического материала, и его интерпретация оказываются произвольными.

Научный подход, напротив, не может обойтись без такого рода проблематизаций.

Что такое «церковь»? С одной стороны, религиозная институция, присутствующая и действующая в публичном пространстве через своих официальных представителей, а с другой — сообщество, включающее некоторое множество микросообществ. Что такое «религиозность»? С одной стороны, то, что продуцируется институциональной религией, а с другой — то, что продуцируется самими индивидуальными носителями религиозности. Что такое «политическое участие церкви»? С одной стороны, активная или пассивная реакция церкви (и как институции, и как сообщества/сообществ) на политические процессы, а с другой — учет и использование церковного фактора в политических процессах (опять же активный либо пассивный) со стороны собственно политических акторов. Иначе говоря, каждый из этих вопросов следует рассматривать как минимум в двух аспектах. Это первичная сложность, задаваемая самим феноменом. У нас нет однозначных понятий и соответствующих им «объектов/субъектов», будь то «церковь», «религиозность» или «политическое участие».

Но равным образом у нас нет и априорного, «естественного» критерия оценки, «сообщающего» нам, что хорошо и что плохо, когда мы говорим о церкви, религиозности и политическом участии. То есть такого критерия нет у аналитика, занимающегося научным исследованием, но он, как правило, присутствует в сознании публициста, исходящего из определенной шкалы ценностей, на которую он ориентируется.

Так возникают случаи недомыслия. Возьмем, например, довольно простой вопрос о государственной или национальной церкви: хорошо это или плохо, «законно» или «незаконно» в современном обществе, где признано право на религиозную свободу? Если автор возмущается, что в какой-то православной стране церковь добивается такого статуса, он должен уточнить, с чем связана отрицательная оценка возможности такого статуса: с тем, что этот статус будет препятствовать соблюдению религиозной свободы, или с тем, что этот статус неприемлем сам по себе? Скажем, в Великобритании и не-

которых других европейских странах существуют государственные церкви и одновременно соблюдается религиозная свобода граждан, и это означает, что одно в принципе не противоречит другому. Следуя элементарной логике, можно отрицательно оценивать стремление православной церкви определенной страны к обретению государственного или полугосударственного статуса на том основании, что в этой стране не соблюдаются права человека в области религиозной свободы и что эта церковь явно или скрыто противится такому соблюдению (приводя соответствующие факты и свидетельства). Однако сам по себе статус *established Church* отрицательно оценивать можно только произвольно, исходя из весьма субъективных представлений и предпочтений. Но именно такая оценка присутствует у некоторых авторов рассматриваемой подборки.

Более сложным является вопрос о соотношении «церкви» и «общества». Так, например, концепт «гражданского общества» порождает ожидания, что «церковь» как негосударственная институция и как некое добровольное сообщество является частью этого социального пространства, располагающегося между государством и индивидом. Соответственно, считается, что церковь должна «отвечать» на социальные, а порой и на политические вопросы — либо через публичную риторику, либо через конкретные материальные действия. Однако следует сказать, что эти ожидания возникают именно в теоретической парадигме гражданского общества и всегда нуждаются в контекстуализации. Если речь идет об аналитике, оценка в модусе долженствования неуместна. Ибо конструкт «гражданское общество» не является универсальным и, как правило, плохо работает в незападных контекстах, включая и зону доминирования восточного православия. Если мы хотим понять специфику определенных религиозно-общественных процессов, мы должны сосредоточиться на соответствующих исторических и современных контекстах и четко отделять аналитическое исследование от идеологически нагруженных квалификаций. К сожалению, в публицистике, вне зависимости от ее «знака», происходит смешение этих ракурсов, что характерно и для некоторых статей в указанной публикации.

В то же время хотелось бы обратить особое внимание на статью А. Верховского, представляющую собой

иной способ работы с материалом: это пример профессиональной аналитики, чуждой идеологичности и при этом учитывающей новейшие концептуальные подходы к рассмотрению религиозных процессов. К тому же Верховский, концентрируясь на российской ситуации, сравнивает ее в ряде аспектов с иными национальными ситуациями, описанными другими авторами, так что возникает хотя бы минимальный компаративистский эффект.

Мы не стали касаться в этой краткой рецензии конкретного содержания опубликованных статей[3], поскольку это потребовало бы не только значительно большего объема, но и, так сказать, двойного (и к тому же весьма подробного) анализа — как представленных текстов, так и тех проблем, рассмотрению которых они посвящены. По существу, это дело целой «команды» профессиональных исследователей. И именно об этом хотелось бы сказать в заключение. Точнее, о том, что такой готовой команды просто нет — в силу бедности отечественной религиоведческой науки, в которой ныне нет ни достаточного количества специалистов, ни тем более научных школ, серьезно занимающихся той тематикой, которой посвящена рассматриваемая в этой рецензии подборка статей в журнале *Pro et Contra*. Это весьма серьезная проблема, если учитывать, что она имеет не только академическое, но и культурное, общественное и даже политическое измерения.

Независимо от того, как понимать восточное христианство, или православие, — как конфессиональную семью, как культурный субстрат или как возможный фактор некоей «цивилизационной» консолидации, — очевидно типологическое сходство обществ с православной религиозной доминантой. И это сходство проявляется независимо от того, испытали ли эти общества «коммунистическое пленение» и каков был характер и длительность этого пленения. И есть несомненная правда в концепции покойного С. Хантингтона, относившего «православные общества» к иной цивилизационной парадигме по сравнению с так называемой «западной».

В то же время важно понять и другое: современные «православные общества» (то есть общества с православной религиозной доминантой) разнятся и порой весьма сильно. В этих

3. Журнал находится в открытом доступе на сайте Московского Центра Карнеги.

обществах, нагруженных архаикой, идут неумолимые процессы модернизации. Соответственно, модернизируются и православные церкви — или, по крайней мере, сталкиваются с вызовом модернизации и вынуждаются на него отвечать (на что справедливо обращает внимание в своей статье А. Верховский). А поэтому изучение актуальных процессов в зоне «восточного христианства» следует ориентировать не столько на обнаружение инерции архаики, сколько на выявление новейших постсекулярных тенденций и процессов, выявляющих новые религиозно-общественные конфигурации. Иначе говоря, следует поставить под вопрос старые идеологические схемы и соответствующие исследовательские ракурсы, чтобы дать место новому видению. Но это должна сделать именно наука, причем не «нормальная» (по Куну), а инновационная, предлагающая новые парадигмы. И только после этого соответствующая публицистика расстанется с устаревшими, уже не релевантными подходами.

А. Кырлежев

Gauthier, F. and Martikainen, T. (eds) (2013) *Religion in Consumer Society: Brands, Consumers and Markets*. Burlington, VT: Ashgate Publishing, Ltd. — 268 p.

Книга «Религия в обществе потребления: бренды, потребители и рынки» вышла летом 2013 года в серии, связанной с одной из крупнейших современных исследовательских программ, сосредоточенных на изучении религии в Европе — *Religion and Society Programme*. Эта программа объединяет тридцать две научные дисциплины в семидесяти пяти масштабных проектах. Данный сборник, продолжая развивать темы, уже затронутые в предыдущих публикациях[1], уделяет особое внимание экономическому аспекту современного положения религии в развитых странах, а именно взаимному влиянию и связям между религией и консьюмеристской идеологией развитых стран.

1. Gauthier, F. and Martikainen, T. (eds) (2013) *Religion in the Neoliberal Age: Modes of Governance and Political Economy*. Farnham, 2013; Gauthier, F., Martikainen, T. and Woodhead, L. (eds) (2011) «Religion in Consumer Society», *Social Compass* (special issue) 58 (3).